

Юлий Гематогенов был довольно-таки бездарным писакой. На счастье, судьба его сложилась самым благоприятным образом. Тому было много причин. Во-первых, он даже и не подозревал о своей посредственности, что было очень даже кстати. Во-вторых, он мечтал о славе, но главным образом о гонорарах, так

что не распылял свои силы на коммерчески бездарные произведения. В-третьих, он родился в замечательное время, когда посредственность не порицалась, а даже и вовсе восхвалялась. В творческой среде царил либеральный дух отсутствия плохого искусства. Все было искусством, находящимся на разных его плоскостях, но объединялось удобным словом «постмодернизм».

Будучи по натуре очень ушлым молодым человеком с цепким на живую взглядом, он мигом разобрался во всех литературных веяниях, выделив самое перспективное. Таковым оно было из-за подпитывающих его со всех сторон, преимущественно западной направленности, грантов и премий. Подсчитав их общий вес, Юлий окончательно утвердился в верном направлении.

Так как самые большие гонорары водились у тех, кто талантливо и методично обличал страну, где им, по вселенской несправедливости, не посчастливилось быть рожденными, то прежде ему пришлось получить необходимый багаж знаний, чтобы встать в один с ними ряд.

Он устроился в интернет-газету крайне толерантного толка младшим помощником и принялся набивать руку. Юлий был чист, как новенькая промокашка, не имел четкого мнения, но умел приспосабливаться и видел конкретную цель — приличный заработок. Это помогло ему вскоре стать штатным корреспондентом. Он принялся посещать все необходимые мероприятия, где ловко заводил перспективные знакомства, поражая своих собеседников смелой вольностью мысли. Не забывал при этом выражать свое восхищение либералам всех толков и размеров.

Приемы, фуршеты, междусобойчики и квартирнички следовали один за другим. На такой благодатной почве его тонкая натура легко впитывала правила мира большой литературы.

Затем пришла пора первых творческих успехов. Ловко маскируя мелкий ум вовремя вставленными колкими фразочками, эпатажными заявлениями, конъюнктурными фельетонами, Юлий стал рукопожатным, крайне перспективным автором. Его заметили и стали рекламировать.

Радио эхом по столице передавало новость о необыкновенном самородке, отыскавшемся в одной интернет-газете; определенного сорта блогеры начали приглашать его к себе на посиделки; он отметился также в нескольких оппозиционных маршах против коррупции, где поначалу конфузливо старался дистанцироваться от подозрительных бритых хлопцев в капюшонах.

В общем и целом, то время для оппозиционеров в стране было беспокойное и малохлебное: несанкционированные митинги самым беспардонным образом окказались вне закона и нагло пресекались. Да и охотников слушать несистемных стало совсем уж мало. Почему-то

желаящих жить как там было все меньше. В эфире сочувствующих радиостанций лились все крокодилы слезы, громкие стенания разрывали соцсети, но поклонников отчего-то не прибавлялось.

Однако Юлий Гематогенов не унывал. Обладая поистине феноменальным нюхом на белый хлеб с икрой, он все же отыскал свою литературную плоскость в либеральной среде.

«Я раб музыки!» — говорил он про себя, оправдывая таким образом пошлые сюжеты и помойные словечки в своих громко дребезжащих вещах.

Поэтому, несмотря ни на что, дела его шли в гору. В конечном итоге спустя годы он превратился в уважаемого писателя с большими гонорарами, но маленькими тиражами внутри страны, что стоически им воспринималось как мученичество, положенное просветителю темных масс. Впрочем, глубоко внутри по этому поводу он переживал не сильно, если такие переживания вообще были. Благо его основные читатели жили за бугром, в старушечке Европе, крупным планом демонстрирующей срамные места своего предсмертного маразма. Там его ценили гораздо больше, приглашали на различные выступления, где с избытком поливали восторженными эпитетами. Да и тиражи книженций были приличными.

Это, кстати, имело и еще один положительный результат — пропала необходимость в самооправдании. Его читали! Какие уж тут самооправдания. Талант был создан, признан, принят и закреплен несколькими литературными премиями.

Продвигался он и в ЮША Inc., но там было сложнее, потому что если книги были не комиксами или, на худой конец, не графическими романами, то спросом они пользовались очень небольшим.

Юлий Гематогенов зажил широкой жизнью в second hand стране, являя собой просветительский, постмодернистский островок с легким налетом ретроавангардизма как прыщика на теле. Впрочем, довольно заметного.

В общем, как и вино кислого урожая, поданное соответствующим манером — с красивой историей и словами, — продается на аукционе уважаемым джентльменам за большие суммы, так и Юлий Гематогенов стал фигурой.

Он уже и сам себя не считал «творческим работом», а был свободным от ханжества и предрассудков «величайшим творцом современной литературы».

Все же, как бы успешно ни складывался жизненный путь Гематогенова, у него дни хорошие, а бывали не очень. Сегодня как раз был один из таких.

Разбудил его в шесть утра крик младенца за стеной. Что было совсем некстати, ведь ему надо было обяза-

тельно выпотаться. Не по какой-то конкретной причине, а просто потому что привык.

«Мерзкий гаденыш», — выругался про себя Юлий и накрыл рано облысевшую голову подушкой. Вообще-то к детям он всегда относился с брезгливостью, хотя держал это при себе, понимая, что как автору, в том числе политических детских сказок, такие откровения не принесут дивидендов даже в толерантной Европе. К счастью для него, буйным цветом плешивело движение чайлдфри, за ним и укрылся.

Подушка, однако, не помогла. Детский плач пробивал ее с легкостью пули.

Гематогенов задергал пухлыми руками и ногами, нанося удары постели. Звонить в полицию было бесполезно, в такой стране, когда честных политиков кошмарят и днем и ночью, навешивая совершенно надуманные обвинения, на правосудие надеяться было нельзя. Не далее как на прошлой неделе, Юлий в своей авторской программе описывал один такой вопиющий случай. Сам случай сейчас уже забылся, но «осадочек остался», успешно пополнив темную взвесь злобности внутри.

Вновь уснуть удалось лишь в девятом часу. Сон был беспокойный и недолгий. В самом наисквернейшем расположении духа Юлий отправился в издательство.

Так рано его не ждали. Все-таки раньше полудня он обычно не появлялся.

— Поторопись же, ну! — прикрикнул он на секретаршу, отправившуюся известить о визите Гематогенова.

Пока он ждал, глянул на свою черно-белую портретную фотографию висевшую на стене. «Лучшие авторы» — гласила надпись. Под фотографией было написано: «Юлий Гематогенов, прозаик, поэт, философ, личность, оппозиционер, борец за права людей. Лауреат...» — дальше на английском языке перечислялись громкие и всем известные наименования премий.

Юлий скривился. Фотография ему не нравилась. Сегодня ему вообще мало что нравилось.

— Прощу, проходите, — пригласила секретарь.

Гематогенов тяжело поднял грузное тело из глубокого дивана.

В кабинете главного редактора сидело еще двое. Юлий оглядел их. Он обоих знал.

Первым был Заливный — широко популярный борец за права меньшинств. О нем среди либеральной тусовки ходили разные слухи, вплоть до совершенно невозможных, о его личных предпочтениях самого низкого характера, но все они оставались на уровне «говорят, что...». Такие разговоры даже играли ему на руку, придавали его персоне некую пикантную дерзость, вызов режиму, бунтарский дух. Несмотря на столь положительные качества, лицо его с близко посаженными, утолщенными в

черепушку глазами было неприятным. К тому же руки его всегда были мокрые и холодные.

Вторым оказался Кошчек. Прибалт, получивший престижное образование в Варшаве и ЮША Inc., активный агент иностранного влияния. Почетный член различных обществ, правозащитник, блогер, внештатный корреспондент национал-неолиберального ресурса «Польский космополит». В общем, полезный человек, обладающий серьезными связями на Западе и угрюмым характером. Роста был невысокого, любил деньги, ради них и терпел всю сволочь вокруг.

Отношения между почтенными либералами можно было охарактеризовать как взаимную острую неприязнь. Гематогенов не нравился им, а они не нравились ему, что было типично в их окружении. Все они были в глубине души мизантропами, поддерживающими связь со своей тусовкой ради конкретных материальных выгод.

Все-таки либерал, родившийся в России, с самого своего появления был особым видом среди своих европейских собратьев. Склочным, горьким и кровавым. Возможно, ему не хватало европейского театральности мастерства, когда за ним, как за ширмой, прячутся истинные цели. Поэтому либерал из России после нескольких приличных слов прямолинейно выкладывал все как есть на едином дыхании, а затем пугался сказанного, грозился судами, если кто-то осмелится его цитировать или, не дай бог, опубликовать неприглядное интервью. Как говорится, «вы меня вынудили, был в эмоциях, извольте извинить меня, как я извинил себя сам». Однако до судов дело никогда не доходило, оканчиваясь только громким воем всех повязанных.

Главный редактор издательства «Вовремя» широко улыбнулся и протянул руку:

— О, Юлий, доброе утро, доброе утро. Не ждали так рано!

— Доброе утро, — хмуро поздоровался Гематогенов.

Ему пришлось пожать руку и Заливному, и Кошечку, после чего он протер руку платком, выуженным из кармана брюк.

— В честь чего сбор? — поинтересовался Гематогенов, грузно опускаясь на кожаное кресло. — Не знал, что ты здесь, — обратился он к Кошечку.

Тот развел руками, как бы не находя, что ответить.

— Чайку? Кофейку? Коньячку? — участливо поинтересовался главный редактор.

Гематогенов кивнул на последний вопросе. Главред нажал на кнопку связи, сообщил заказ. Пока несли напиток, никто не проронил ни слова.

Наконец секретарь ушла, оставив бокал в руках писателя.

— Юлий, на самом деле очень хорошо, что ты посетил нас сегодня раньше, чем договаривались. Мы как раз обсуждали некоторые планы. — Главред сменил тон на доверительно-таинственный. — Скоро всем известные события, парад, ну, вы понимаете?

Зная, какие люди здесь собрались, Юлий догадался обо всем сразу.

— Митинг? — вяло спросил он, наблюдая за игрой света в бокале.

Все-таки такие моменты комфорта были нежно любимы им. Когда можно было вот так посреди рабочей недели, днем, привести мысли в порядок хорошим коньяком.

— Да, как ты знаешь, скоро очередная годовщина, будут празднества, вот и неплохо бы напомнить людям об истинной цене того, что они празднуют.

— Гм, — глотнул он добрую порцию жидкости.

— Поэтому я и пригласил сюда моих друзей, чтобы обсудить наши маневры, так сказать.

Гематогенов обтер усы жирными пальцами, крякнул, коньяк был хорош. Глазки его умаслились.

— Маневры, надо полагать, будут соответствующим образом снабжены? — спросил он.

Главред еле заметно поморщился, прежде чем ответить:

— Не без этого.

Гематогенов удовлетворенно кивнул. Следующим глотком он осушил бокал.

— Хороший коньяк, приятно пить.

Главред нажал на кнопку. Пустой бокал был убран, новый вручен.

— Что потребуется от меня? — немного оттаяв, более благодушно спросил Гематогенов.

— Мы уже проработали некоторые детали.

Главред пустился в объяснения. Каждому присваивалась своя роль. Господин Кошчек был заводилой и рупором, Заливный был бойцом на месте и организатором толпы в соцсетях, а писателю доставалась представительная функция — быть лицом скорби всех неравнодушных.

— Гм, — сказал Гематогенов и допил коньяк, — только, я надеюсь, что среди неравнодушных не будет слишком уж радикальных элементов?

Главред опустил глаза, поерзал на стуле, прокашлялся.

— Юлий, ты же понимаешь, что у нас наблюдается... эм... некоторый кадровый голод, поэтому приходится

вступать в партнерства с разными политическими силами. Само собой, мы выбираем только наиболее презентабельные...

— Как в прошлый раз, когда один из «презентабельных» достал флаг террористической группировки и размахивал им прямо позади меня? Не пойми меня неправильно, я не ханжа, но все-таки надо воздерживаться до поры до времени.

— Накладки бывают разные... Сам понимаешь. Кто же знал!

Гематогенов поморщился. Действительно, никто не знал. С другой стороны, после марша его наверняка попросят дать интервью для какого-нибудь канала из цивилизованной страны. Можно будет напомнить о себе. Помимо меркантильной мыслишки, согревала его и другая, чисто практическая — о дивидендах в валюте от всего шабаша.

В общем, минусы хоть и присутствовали, но плюсов было больше.

Договоренности были достигнуты, руки пожаты всеми присутствующими, улыбки продемонстрированы, и Заливный с Кошчком поспешно ушли. Подкопных дел было по горло.

Гематогенов остался утрясать деликатные дела с изданием его новой книги, изобличающей преступления действующего в стране режима.

— Как бальзам на душу, ей богу, как бальзам, — начал разливать соловьем главред, позволяя себе панибратский тон. Все-таки все здесь были свои.

— А как ты ловко провел исторические параллели, очерчивая их красным цветом! Это же гениально! И вот этот момент... подожди, подожди, сейчас...

Главред начал перелистывать рукопись.

— Ага, вот: «...и представились ей дикие глаза солдата, точно так же насилувавшего ее бабушку, как и ее сейчас насилуовал этот миротворец. Запах водки, немытого тела окружал ее со всех сторон. И не было сил плакать».

Главред поднял глаза на Гематогенова, имевшего сейчас вид крайне довольный.

— Как тонко, как фактурно, как точно передано! Это будет бестселлер!

— Спасибо, спасибо. Я действительно стараюсь, — улыбался писатель.

И Гематогенов действительно старался, вкладывая всю свою душонку в новую изобличительную писанину.

